

Все персонажи и события являются
вымышленными.

Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны.

Пролог

— Видите ли, Рита, существует некая субординация. Команда. Чувство локтя, наконец, — громко проскрипел в ушах противный голос менеджера по персоналу, этой гарпии, строившей из себя «железную леди». — Вы числитесь в редакции вот уже несколько месяцев, но явно не разделяете принципы нашей работы. То, что для нас рейтинг, для вас «желтизна». Откуда эти совестливые призывы к «качественной журналистике»? Зачем ставить себя выше коллектива? И, в конце концов, если вся команда сидит до пяти утра, сдавая очередной номер, вас это тоже касается!

На этих словах я, доселе пребывавшая прямо-таки в змеином трансе, встрепенулась. Нет, это просто верх... всего!!! Наглости, цинизма, несправедливости! Глаза заволокло красной пеленой ярости, и мне вдруг стало совершенно все равно, что сейчас я потеряю свою не ахти какую должность.

— Прежде всего надо не сидеть, а работать. И делать это в отведенные сроки, тогда не будет необходимости сдавать номер в пять утра. Ежемесячный формат вполне это позволяет. Хотя если у вас заведено иначе, почему бы и нет? Я не против. Только вы и ваш дражайший коллега, — я кивнула в сторону главного редактора, хлопавшего глазками с обычным видом чудака, охлобученного

пыльным мешком в темном переулке, — который месяц игнорируете мое присутствие. Мне просто не дают работу — зато за спиной шушукаются, что я никак не могу себя проявить! В вашем расчудесном коллективе со мной не разговаривают — и как, спрашивается, мне понять, что нужно потрудиться сверхурочно?

— А это... это... — гарпия на мгновение смешалась, ведь сказала я чистую правду, — ...это надо чувствовать!

Все. Дальше можно было не продолжать. Я прекрасно знала все свои недостатки, и толстокожесть вкупе с отсутствием коммуникабельности в их число не входила. Меня самым банальным образом выживали — именно это, а не горячее желание моей профессиональной помощи, я здесь и чувствовала. И зачем я ухватилась за предложение знакомой, ценившей мои журналистские навыки, обратить внимание на этот проект? Для чего поверила посулам владельца серьезного издательского дома, решившего начать выпуск глянцевого журнала о знаменитостях? Да еще и нарисовала себе радужные перспективы, получив приглашение в пресловутую команду первой — даже раньше главного редактора?..

Моральная экзекуция была закончена. Мы ни о чем не договорились, да и распекавшая меня парочка явно не была расположена к конструктивному диалогу с «отступницей». Бросаться за защитой к издателю? Гиблое дело! Вопрос встанет просто: или я — или они. И, очевидно, выбор шефа будет не в мою пользу. Хотя бы из-за численного перевеса моих недоброжелателей.

Я поднялась и на ватных ногах зашагала к двери. На пороге меня нагнал главный редактор, наши взгляды встретились... Как-то моя лучшая подруга, психолог, рассказывала об исследовании своих коллег, признавших главным негативным чувством презрение. Не гнев и ненависть, а донельзя унижавшее неуважение самой отмен-

ной марки, этакое сконцентрированное пренебрежение. Вроде того, что, клянусь, совершенно непроизвольно в эту самую секунду отразилось на моем лице. Как говорится, получите и распишитесь. Такое не прощают. После этого мне оставалось лишь одно — уйти, сохранив остатки достоинства.

Добравшись до своего стола, я на автомате выключила компьютер и собрала те нехитрые вещички, что окружали меня на протяжении нелегких четырех месяцев. Пискнул телефон, и на экране высветилось сообщение от младшего редактора Катюши, сидевшей этажом ниже, — единственного человека, который отнесся здесь ко мне по-дружески: «Ну как???» С ней я могла обойтись без объяснений — подобно остальным добросовестным, а потому донельзя затюканным сотрудникам, которых здесь было наперечет, она не работала, а терпела. «Не могу больше. Ухожу», — напечатала я. В ответ тут же прилетело: «Не пори горячку, задержись хотя бы на десять минут. Шеф здесь, я постараюсь замолвить за тебя словечко».

Катюше я верила безоговорочно. Да и как могло быть иначе с этой кристальной чистоты девушкой, давшей мне немало дельных советов? В отличие от меня она терпеливо, с улыбкой, сносила все придирки начальства. И, похоже, все-таки находилась на своем месте, раз всегда «чувствовала» правильно — и частенько просиживала над чужими заданиями до утра.

Хорошо, подожду. Пусть Катюша перехватит владельца издательского дома и изложит ему мою версию конфликта: я не лентяйка и не саботажница, мне просто не дают работать!

Уставившись в окно, я захлопала ресницами, чтобы не заплакать. Мой слог всегда хвалили — с какой же стати тут не доверяют написать ни строчки? Почему коллеги будто не слышат мои идеи, а потом, распахивая друг дру-

га локтями, несутся к главному и излагают их же, выдавая за свои собственные? И, в конце концов, зачем в погоне за рейтингом скатываются на откровенно скандальные, а то и оскорбительные для героев материалы? Возможно, я излишне наивна, но можно ведь писать увлекательно и при этом достойно. Мне известно, как это делать, дайте только шанс!

Я с трудом высидела обещанные десять минут, вздрагивая от каждого шага за дверь. Собственно, так я и провела здесь все это время, тонко улавливая недовольство своей персоной и переживая насмешки коллег. «С чужими не работаю», — именно такую фразу, по словам Катюши, произнес приглашенный «со стороны» главный редактор, едва переступив порог издательства. Моя приятельница была «чужой» — вот и переехала этажом ниже, что свело ее контакты с главным к минимуму. Я тоже была «чужой» — и не просто «чужой», а мозолившей глаза «чужой», перспективной, способной и честолюбивой «чужой». Вот меня и «ушли»...

— Маргарита, вы хотели со мной поговорить?

Погрузившись в невеселые раздумья, я и не заметила, как дверь бесшумно распахнулась и в облаке дорогущего парфюма в комнату вплыл издатель собственной персоной. Вальяжный, с горделивой поступью и густой гривой темных волос, он напоминал роскошного льва и теперь взирал на меня из-под тяжелых век с ленивой царственностью. Причем — вот сюрприз! — чуть ли не благоклонно.

— Разговаривать, собственно, не о чем. — Все, я перешила, перегорела, и сейчас мне хотелось лишь одного: убраться отсюда поскорее. Не сводя с издателя метавших яростные молнии глаз, я резко выдвинула ящик стола, схватила заявление об увольнении, написанное еще месяц назад, и швырнула «царю» этого примитивного без-

дарного «зверинца». — Избавляю вас от своего присутствия. На этом позвольте откланяться.

Я рванулась с места как вспугнутая газель, но издатель остановил меня новым воодушевляющим взглядом. И, став прохаживаться перед столом, заговорил, властным взмахом руки упреждая мои возражения.

— Я благодарен вам за попытку хотя бы таким образом разрешить конфликт. Остальные мои подчиненные, боюсь, слишком для этого трусливы, — хмыкнул он, покрутив в пальцах заявление, и уже доверительным тоном продолжил: — Маргарита, не поверите, но мы с вами оказались в весьма похожих ситуациях. Ваши надежды на эту работу явно не оправдались. Как и мои надежды — на работу команды, выпускающей журнал.

Я выжидающе молчала, не понимая, куда он клонит. Да, мои иллюзии развеялись в рекордные сроки, но какой смысл тратить время на пустые сетования? А его хваленая команда — отныне не моя забота.

— Как вам известно, мы сделали ставку на собственные материалы, решив пользоваться зарубежными по минимуму. Но качество нашего контента существенно уступает переводному, а последний изобилует самыми возмутительными опечатками. Рекламщики промахнулись с целевой аудиторией, работа редакции до сих пор не налажена, и, как следствие, мы не выдерживаем конкуренции. Наши деловые партнеры, мягко говоря, недовольны. А причина происходящего известна и вам, и мне. — Он многозначительно помолчал и вымолвил: — Рыба гниет с головы.

Что ж, еще некоторое время назад я пыталась донести нечто подобное до коллег. И, кстати, до самой «головы», ведя яростные, с открытым забралом, споры. Какое там, с тем же успехом я могла останавливать цунами, размахивая руками! Деятельность редакции велась под девизом

«День прошел, и слава богу» — никого, кажется, не волновал тот факт, что издание катится в тартарары с рекордной скоростью.

— Буду с вами предельно откровенен. Необходимость перемен назрела давно, но в данный момент я не могу распустить команду. Мы завязаны на сроках типографии и рекламе, в таких условиях не до революций. Но в пределах трех-четырех месяцев все должно измениться! — решительно провозгласил издатель. — Для начала я всерьез подумываю сменить главного редактора.

Теперь уже замолчал он, выразительно глядя на меня сверху вниз.

— И при чем здесь я? — Не то чтобы смысл его туманной речи не дошел до моего сознания, просто хотелось услышать нечто ясное, конкретное. А то и перспективное.

— На данный момент у меня две кандидатуры. Два профессионала, опытных, целеустремленных и смелых. Два подхода к работе, два видения развития журнала. — Он застыл на месте, задумчиво поглаживая гладковыбритый подбородок. — Мне предстоит нелегкий выбор: сделать ставку на качественный контент, максимально деликатное, но откровенное освещение жизни звезд либо поставить во главу угла сенсации со скандальным налетом, неважно, реальные или вымышленные. И то и другое — риск. На кону, ни много ни мало, будущее даже не журнала — всего издательского дома.

Подумать только, а я не желала верить Катюше, исправно доносившей до меня гулявшие по коридорам сплетни! Поговаривали, что наш «царь», свято уверовавший в успех предприятия, ухлопал на запуск издания неприлично круглую сумму, и теперь любой неверный шаг, суливший отток рекламодателей, мог поставить его компанию на грань банкротства.

— Не буду ходить вокруг да около. Как вы уже наверняка догадались, первая кандидатура — ваша. Личность конкурента вам хорошо известна...

Похоже, на моем лице ясно отразилась вся гамма чувств, от недоумения до ненависти, раз издатель понимающе ухмыльнулся.

— Да-да, вы верно поняли. Теперь от вас двоих требуются четкие, подробные планы деятельности издания. Но решающим будет не это. Мне хотелось бы видеть главным редактором настоящего профи, увлеченного своим делом, обладающего лидерскими качествами. Но прежде всего талантливого журналиста, способного справиться с любым заданием. По-моему, будет справедливо, если мы устроим что-то вроде конкурса.

— Конкурса? — переспросила я, сбитая с толку его напором и неожиданным предложением.

Издатель кивнул.

— Нам нужна «бомба». Вам двоим предстоит разобраться в освещавшейся пару раз лишь мельком, по-настоящему скандальной и загадочной истории. Из тех, что позволит нашему журналу громко заявить о себе и своих претензиях на лидерство в секторе развлекательных изданий. Работаете поодиночке, в равных условиях, представляете в итоге по материалу — и я принимаю решение. Все честно, не так ли?

Я рассеянно подернула плечами, лихорадочно обдумывая его слова. Чистой воды авантюра: вот так, с бухты-барухты, броситься в распутывание какой-то сенсационной тайны! Причем в совершенно неподходящий момент, когда я измотана личными переживаниями, не говоря уже о профессиональных неудачах. А ведь казалось, что привычка невольно впутываться в приключения безвозвратно меня покинула...

С другой стороны, что я теряю? И так ведь собиралась увольняться, в худшем случае лишь продлю эту журналь-

ную агонию! Впрочем... А почему я обязательно должна проиграть? В душе вдруг шевельнулся основательно подзабытый азарт. Мне выпал невероятный шанс проявить способности, поставить на место обидчиков и, главное, возглавить издание с мировым именем! В ушах сладостно зазвучали литавры грядущей победы, и я, толком ничего не осмыслив, по привычке рубанула с плеча:

— Я в деле. О каком именно материале идет речь?

Шеф одобрительно кивнул, похоже, уже предвкушая яростное сражение «акул пера».

— Мне нужно, чтобы вы взяли интервью, — веско, чеканя каждое слово, изрек он и, выдержав интригующую паузу, уточнил: — Интервью у покойника.

Глава 1

— Что еще за любитель спецэффектов? Видимо, он из скандальных писак, способных под заголовком «Сексуально озабоченный оборотень-людоед ступил на тропу геронтофилии» продать невинную сказку о Красной Шапочке. Сколько раз я на такое покупалась: на обложке — громкая сенсация, а внутри такая скука, что мухидохнут! Или... — Зеленоватые глаза Аньки осветились надеждой. — Слушай, Ритуля, может, у него острая фаза шизофрении, с галлюцинациями, вот покойники и мерещатся? Не замечала за ним резкой смены настроения, агрессии, мании преследования, нервных срывов, иллюзий, бредовых идей? Хотя вряд ли, конечно. На такую удачу рассчитывать не приходится...

Я иронично хмыкнула. Редкая удача, ничего не скажешь. Лучшая подруга, решив сказать свое слово в науке, усиленно готовилась к поступлению в аспирантуру — и в каждом встречном видела живое пособие из учебника по клинической психологии. Все-таки на удивление неутомимая натура эта Анька, словно ей и без того не хватает забот на рабочем месте, в центре помощи зависимым!

— Нервный срыв, похоже, скоро будет, ведь его бизнес висит на волоске. Бредовые идеи? А как же, вагон и маленькая тележка. Прежде всего отыскать человека,

который умер лет этак тридцать назад, и... взять у него интервью! Причем в обстановке строжайшей секретности, чтобы конкуренты, оборони Создатель, не пронюхали. А вдобавок сделать это лучше и быстрее второго претендента на лакомую должность... угадай кого? — Глаза Аньки с изумлением, догадливо распахнулись, и я кивнула. — Ага, моего главного «друга» в редакции, Живчика.

Подруга поперхнулась коктейлем, подняв в бокале громкое неделикатное бульканье и обратив на себя внимание людей с соседних столиков нашей любимой кафешки.

— Того придурка, который предлагал сочинять скандальные истории, привлекая к этому «сбитых летчиков» из второсортного актерского эшелона? — хохотнула она, и я снова кивнула. — Того самого, для которого ты придумала сто с лишним способов убийства?

— Вообще-то сто сорок два, — с достоинством ответствовала я, вспомнив, как однажды угробила на это целый рабочий день. А что еще было делать, если меня по его милости в очередной раз «забыли» позвать на редколлегию, а потом битый час распекали за равнодушие и лень? — Но потом остановилась на одном: снять с ноги туфлю и со вкусом пришить в лепешку, оставив лишь мокрое место. Это же надо так меня довести!

— Кстати, а с чего началась ваша вражда? — Анька с любопытством подалась вперед. — Знаю, что он регулярно тебя подставляет, но неужели просто так, с бухты-баракты, проникся ненавистью? Наверняка была какая-то причина.

— Была, и не одна. Я не рассказывала тебе, не хотелось копаться в этой гадости, но... ладно. — Я махнула рукой, сдаваясь. В конце концов, за последнее время, после череды выпавших на нашу с Анькой долю пережива-

ний, подруга значительно прибавила в профессиональном плане. Она успешно помогала попавшим в беду людям — и даже избавила одного парня от серьезной игровой зависимости. Вдруг и мне подскажет что-нибудь дельное...

* * *

Итак, началось это в апреле. Нет, если быть совсем точной, в начале марта, ведь именно тогда появились первые намеки на нашу с коллегой неприязнь. Я только-только присоединилась к редакции, ухватившись за удачно подвернувшееся предложение и решив внять совету Аньки все-таки выйти из зоны комфорта. Что означало перестать наконец сидеть в четырех стенах, беречь толком не затянувшиеся душевные раны и к тому моменту вот уже полгода оплакивать свое горе.

Он бесцеремонно влетел в комнату, не дав толком освоиться на новом месте, и легко вспорхнул прямо на мой стол, чуть не свалив монитор. Потом бегло представился и зататорил, как из пулемета: работает в издательском доме давно, сейчас волей шефа все его творческие силы брошены на новый журнал, будем трудиться вместе и, как он надеется, подружиться. Последнее словно вылетело из его уст многозначительно, сопровождаясь тяжелым похотливым взглядом, которому, видимо, полагалось быть обольстительным.

Я отмахнулась от первого нелестного впечатления, но после нескольких дней подобного «общения» не знала, куда деться от назойливого коллеги, которому вздумалось меня опекать. Его было слишком много: он носился по этажам, отвлекая сотрудников издательского дома шумными байками, поучал каждого встречного, как раскручивать наше издание, и, главное, фонтанировал идеями межгалактического масштаба, одна возмутительнее дру-

гой. То предлагал разбить семью известного актера, примерного семьянина, «подсунув» ему какую-то невиданной красоты модель, то обещал организовать сенсационное — и липовое — разоблачение вполне себе благонаправной и уже немолодой певицы, присочинив ей пару якобы брошенных в свое время детишек...

— А не проще ли отнестись к людям — и к героям, и к читателям — с уважением? — не выдержала один раз я. — У нас достойное издание, и надо позиционировать себя именно так. Хайп, скандалы, смазанные фото от папарацци — кого сейчас этим удивишь? Люди давно перестали верить подобной чепухе! Лучше попробовать «разговорить» знаменитость, сделать красивую фотосессию, раскопать что-то по-настоящему увлекательное, но правдивое. Уверена, нам пойдут навстречу, ведь популярность нужна всем. Постепенно звезды и продюсеры начнут доверять, станут подкидывать самый эксклюзив. А будем выдумывать, да еще так, без зазрения совести, потом от судов не отобьемся!

— Ну и плевать, пусть судятся, — беспечно брякнул бойкий коллега, но, заметив красноречивый взгляд издателя, внимательно следившего за нашими дебатами, тут же осекся и стал выкручиваться. — Это я, конечно, хватил, лишних проблем нам не нужно. Просто увлекся и неверно донес мысль. Давайте выдумывать — но так, чтобы было не подкопаться. В конце концов, в этом и заключается мастерство журналиста. И я владею им блестяще, столько лет опыта!

Нисколько не сомневаюсь. Ничего себе, «журналист»! Потеряв от возмущения дар речи, я утомленно взирала на неугомонного, нагловатого, беспринципного, никак не желавшего затыкаться... — как бы его обозвать? — Флюгера, Шута горохового, Фигляра, Кривляки? Нет, прозвище «Живчик» подходило ему лучше всего, ведь он метал-

ся по редакции с такой энергией, что меня укачивало от его прыжков...

С тех пор мы регулярно спорили о путях развития журнала, но это вполне могло сойти за рабочие моменты. Следующий «звоночек» раздался во время празднования в редакции Женского дня, когда Живчик, пробравшись ко мне с двумя бокалами в руке, пытался уговорить меня потанцевать. Я вежливо отказывалась — настроения развлекаться не было, да и на этот междусобойчик я согласилась скрепя сердце, только чтобы коллеги не сочли меня замкнутой высокомерной гримзой.

— Да ладно тебе, расслабься, — не отставал «оболститель», сверкая сальными глазками. — Выпей хорошенько, все свои, кого стесняться? Потанцуем, пообщаемся, познакомимся поближе. Помнишь, мы ведь хотели подружиться? Ну же, брось ломаться, Ритка!

От ярости у меня потемнело в глазах. Он мог сколько угодно ставить под сомнение мою профессиональную компетентность, с оскорбительной снисходительностью напоминая о своем опыте. Мог врываться ко мне без стука и битый час восседать на столе, загораживая монитор и мешая работать. Мог «ездить по ушам» весь день с бахвальством и напором, от которых у меня разыгрывалась мигрень. Мог просто быть самим собой: ушлым недалеким хамом, которого так и тянуло придушить голыми руками, — мог делать что угодно, но сломалась я на этом фамильярном небрежном «Ритка».

Так меня иногда называли лишь двое. Два по-настоящему близких мне человека, одного из которых уже не было на этом свете. Из уст Ани «Ритка» звучало по-своейски тепло, лишней раз напоминая о долгих годах самой искренней и верной дружбы, начавшейся еще в школе. А мой прекрасный во всех смыслах слова любимый проносил это с особенной нежностью, крепко сжимая меня

в кольцо сильных надежных рук. Теперь же Живчик бросил мое имя пренебрежительно, надменно, с явственно уловимым оттенком похоти.

Злость уже клокотала внутри, грозя вот-вот вылиться в порцию крепких, вполне достойных его гнусного «журналистского мастерства» словечек, но я колоссальным усилием воли остановила этот порыв. Не стоило в самом начале работы портить отношения с коллегой. Который с первого дня отнесся ко мне вполне дружелюбно и к тому же был не в курсе моих сокрушительных жизненных трагедий.

— Прости, но... нет. Никаких танцев и прочего, — покачала головой я. Мне не хотелось ни излишне откровенничать, ни обижать его, поэтому «золотая середина» показалась уместной. — Между нами, я переживаю тяжелый момент, никак не оправлюсь от потери близкого человека. В такой ситуации не до развлечений.

По наивности я надеялась на понимание, но Живчик, будто не слыша отказа, продолжал виться рядом. Я вытерпела еще несколько минут его присутствия — как говорится, ради приличия, — а когда стало совсем невмоготу, выждала удобный момент и по-английски слиняла домой. Оставалось только надеяться, что после этого он отстанет. Да еще и разболтает о моем печальном настроении остальным, надолго отбив у них охоту лезть с ненужным общением.

Живчик действительно снизил активность. Теперь он появлялся в моей комнате гораздо реже, а на редколлегиях спорил яростнее. Сослуживцы и правда стали меня сторониться — не знаю, что он им наплел, только меня это искренне встревожило. Одно дело — ждать от других деликатности, так необходимой в моем удрученном состоянии, и совсем другое — постепенно становиться изгоем. Тем не менее в редакции еще соблюдалось подобие

приличий, и паниковать по поводу откровенной травли было преждевременно.

Гром грянул через месяц, когда глава издательского дома собрал всех сотрудников в ресторане по случаю годовщины основания компании. Очень кстати вышел первый номер журнала, так что шеф решил «обмыть» сразу два события, сплотив собравшуюся под его руководством команду. Ближе к концу торжества, когда гости, основательно загрузившись блюдами и напитками, пустились в пляс, Живчик снова причалил к моей скромной персоне. Поспешив отказаться от очередных танцев, я скрылась от него в дамской уборной, разрабатывая план бегства.

Через несколько минут, предусмотрительно высунув голову из двери, я убедилась, что путь свободен. Требовалось быстро проскользнуть в зал, попрощаться с остальными и, стараясь не привлечь внимание горе-кавалера, нестись в гардероб. Довольно резво одолев половину пути, я притормозила, услышав неподалеку громкие мужские голоса. Спрятавшись за угол, я заметила, как Живчик выбрался в коридор в компании своего приятеля по редакции, чуть менее развязного, но столь же никчемного.

— Да погоди ты, сейчас выйдет. — Основательно набравшийся коллега дернул моего «ухажера» за рукав и мерзко захихикал. — Может быть, она как раз для тебя прихорашивается!

— Ага, от нее дождешься! Плела мне в прошлый раз какую-то чушь, чуть ли не в трауре она. Ты в это веришь? — развел руками Живчик. — Хотя всегда в темном, факт. По-моему, просто выслуживается перед шефом, вот, мол, какая я вся из себя деловая, даже дресс-код соблюдаю! Фу, подлиза!

Так-так, интересенько... Стараясь не дышать, я вся обратилась в слух. Не каждый день узнаешь, что думают о тебе окружающие!

— Корчит из себя монашку! — поддакнул первый и снова гаденько засмеялся. — С такими-то сиськами!

— Мне больше задница нравится, — авторитетно изрек Живчик, — так и тянет по ней шлепнуть. Особенно когда начинает со мной препираться. Фигура-то ничего, но характер... Надменная стерва, еще морали читает! Да мне одного взгляда на нее хватило, чтобы все понять.

— Хорошо ты нам рассказал. — Приятель, которого «забирало» на глазах, похлопал его по плечу. — Теперь все знают, что у нее виды на издателя. Мы-то для такой, конечно, тьфу, мусор, ей кого покруче подавай. Мерзкая бабенка! Неудивительно, все к шефу бегают...

— А что ей еще делать? — У Живчика тоже стал заплетаться язык. — Заметил, какая подавленная в последнее время? Понимает, что профессионально — ноль, только и остается в горизонтальном положении обрабатывать!

И они опять загоготали.

У меня закружилась голова, перед глазами на миг все померкло. Оседая по стенке, я как сквозь пелену слышала новые уничижительные реплики в свой адрес. Так вот в чем дело! Оказывается, за моей спиной давно ходят грязные сплетни. А сочиняет и разносит их узколобый жестокий мерзавец, с какой-то стати сделавший меня объектом своего нелестного внимания.

Вскоре голоса смолкли, и я с грехом пополам добралась до ближайшего окна. Поток прохладного воздуха сразу привел меня в чувство. Да с чего они решили, что могут надо мной издеваться? Безнаказанно выдумывать всякую ерунду? Хватит трусливо пережидать в коридоре, я могу за себя постоять! Мне хочется домой — значит, вернусь в зал, перекинусь парой слов с Катюшей и наконец-то свалю из этого гадюшника. А если кому-то вздумается меня задерживать или оскорблять — им же хуже.

Я решительно развернулась и грозно застучала каблучками. Войдя в зал и с облегчением не обнаружив там Живчика, я направилась к дальнему углу, где в компании других редакторов стояла моя приятельница. Но уйти спокойно мне было не суждено: оказавшись в центре зали того ярким светом люстр пространства, я услышала за спиной до боли знакомый голос.

— Эй, подруга, может, снизойдешь до простых смертных? — Живчик успел основательно набраться и сейчас явно алкал неформального общения. — Я понял, в чем твоя проблема. Мужика тебе не хватает, вот и бесишься, всех презрением обливаешь. Проще надо быть, Ритка! Самой-то не надоело киснуть? Так я тебе помогу!

Не успела я опомниться, как он резко выбросил руку и дернул меня за волосы, которые я сегодня по привычке стянула в тугий пучок. Последние месяцы у меня был более чем серьезный повод носить темное и делать строгую прическу. И разве кого-то должен был волновать мой излишне чопорный, но вполне благопристойный облик?

Шпильки посыпались на пол, волосы волнами разметались по плечам, и окружающие разом смолкли, предвкусывая колоссальную разборку. Я чувствовала, как все, включая нашего всесильного шефа, обратили на нас жадные до скандалов взоры. От негодования меня затрясло так, что я с трудом устояла на ногах.

— Уже лучше, — удовлетворенно хмыкнул Живчик, оценивая дело рук своих. — Хватит выделяться, пойдем танцевать!

Он попытался приобнять меня сзади, и, оглянувшись, я увидела, как его ладонь опасно зависла в воздухе чуть пониже моей спины... Окружающие стояли молча, с интересом наблюдая за «спектаклем» и явно ожидая увлекательной кульминации. Хорошенькое дело, сейчас меня начнут откровенно лапать, и ни один из присутствующих

здесь, с позволения сказать, мужчин за меня не вступится! И почему это происходит со мной? За что все так меня ненавидят? Слезы обиды обожгли глаза. Нет, я не позволю себя унижать, ни за что!

Кипя от ярости, я резко развернулась на месте и, замахнувшись, влепила Живчику громкую, хлесткую пощечину. И тут же брезгливо отдернула руку, отступая назад и мечтая только об одном: поскорее отмыться от отвратительной ситуации и прикосновения к этому гнусному существу. Перед глазами все расплывалось от гнева, и я как в тумане видела перекошенное от злости лицо Живчика с красным отпечатком моей пятерни, спешившую ко мне на помощь потрясенную Катюшу и странное, чуть ли не уважительное выражение во взоре издателя...

* * *

— Вот скотина! — возмущенно охнула Анька, снова подняв бурю в стакане с коктейлем. — Теперь понятно, почему он устроил тебе «райскую» жизнь. И что, он потом даже не извинился?

— Куда было деваться, извинился, на следующий же день. Мол, выпил лишнего, плохо соображал, — вздохнула я. — Разумеется, искренним сожалением там и не пахло. Представляешь, какое для него унижение: сначала я на глазах у всех по физиономии съездила, потом шеф устроил взбучку за «некомандное поведение» и заставил прилюдно просить прощения! Последнее, конечно же, стало новым веским доводом в пользу версии о том, что я — любовница издателя. О чем Живчик, оскорбленный в лучших чувствах, и разнес по всем этажам офиса. Не знаю, что еще он там наговорил, только возненавидели меня практически все...

— Милая, как несправедливо... — Подруга мягко погладила меня по руке и вдруг мстительно произнесла: —

Знаешь, иногда я жалею, что клуба больше не существует!

Я лишь удрученно покачала головой. Нет, это было слишком безрассудно и опасно. Весной прошлого года мы с Анькой, переживая каждая свои обиды, оказались в клубе психологической помощи униженным. Где как-то незаметно перешли от общения единомышленников к банальной мести. Там я надеялась встретить понимание, а обрела любовь всей жизни. Которую вскоре потеряла — из-за чужой ненависти, сокрушительной и ослепляющей.

— А самое обидное, что я и правда пару раз бегала к издателю. Хотела донести до него свои идеи развития, спасти общее дело. Сколько раз зарекалась от подобных инициатив, дура! — Я с размаху врезала себе по лбу. — Сначала пыталась поговорить с главредом, объяснить, что мы не туда поворачиваем, печатаем откровенную муть, — и стала первым врагом. В отместку он взял в недавний номер скандальный материал Живчика. А кому, как не мне, знать, чем может обернуться подобная шумиха...

Анька понимающе закивала. В самом начале наших занятий в клубе я, горя желанием защитить несправедливо обиженного, вызвалась написать разоблачительную статью. В ней не было ни слова неправды, но поднявшийся следом ажиотаж принял невиданные масштабы и сослужил герою плохую службу, лишив покоя, а потом здоровья и жизни. Эта история лишней раз напомнила мне об ответственности за каждое, даже брошенное вскользь слово, и теперь я с особым трепетом относилась к персонажам журнальных материалов. Увы, мои попытки достучаться до коллег выставили снобизмом и морализаторством, а исключительно деловое общение с шефом — пошлой служебной интрижкой.

Меня по-настоящему волновало бедственное положение, в котором оказался перспективный журнал, хотя,

чего греха таить, была у этого энтузиазма и другая причина. Я с головой бросалась решать рабочие проблемы, пытаясь найти спасение от личной трагедии, чтобы не думать, не вспоминать, не переживать... Но справлялась я плохо. Так и тянуло закутаться в черную, под стать поглотившей меня скорби, одежду и замкнуться в себе. А перед памятным инцидентом в ресторане... словом, Живчик не ошибся, я действительно была крайне подавлена. Тогда, в начале апреля, моему обожаемому возлюбленному могло исполниться тридцать четыре. Могло — но никогда уже не исполнится, и осознание этого медленно, мучительно сводило меня с ума.

— Алик ни за что не дал бы тебя в обиду, — словно услышав мои мысли, вздохнула подруга и грустно хихикнула. — Помнишь его панацею от всех бед? Он точно набил бы этому Живчику морду!

Я невесело улыбнулась, почувствовав, как к глазам подступают слезы. Сколько же еще я буду страдать? Наши с Аликом отношения длились каких-то пять месяцев, а с момента трагедии прошло уже вдвое больше. Подруга-психолог со знанием дела уверяла, что время лечит, но какое там... Просыпаясь, я первым делом открывала фотографию своего красавца в телефоне, проверяла мессенджер, не иначе как в бреду надеясь увидеть заветное «В сети». Однажды, в приступе острой тоски, я даже скинула на номер Алика сообщение с одним словом — «Скучаю». А в день его рождения собралась с духом и приехала к дому, в котором мы когда-то недолго жили вместе. Просто стояла внизу, забыв обо всем на свете, и смотрела на свет, горевший в окне на последнем этаже. Чужой свет в уже чужой квартирке, где мы когда-то были так счастливы...

— Ты снова туда ездила? Который уже раз? — Аня верно считала мое выражение лица и укоризненно пока-

чала головой. — Рита, я все понимаю, но хватит травить себе душу! Ты замыкаешься, люди это чувствуют и избегают тебя. Сама не даешь себе шанса быть счастливой! Попробуй с кем-нибудь встретиться. Кстати, а что ты думаешь насчет вашего шефа? Ну-ну, не делай такие глаза, а лучше взгляни на него иначе... Да, он намного старше, но я же помню по фоткам: шикарный мужик! И тебе, кажется, благоволит.

Ага, ну конечно! Благоволил он мне потому, что я чуть ли не единственная из его сотрудников искренне пеклась о судьбе издания. Наверное, идея завести служебный роман и стать «серой кардинальшей» в издательстве была не так и плоха — представляю, как скривились бы мои недоброжелатели во главе с опостылевшим Живчиком! Но, увы, я даже в мыслях не могла представить себя с каким-то другим мужчиной, кроме моего заботливого и порывистого Алика. Так что зря Анька тратит на меня свое красноречие. Безнадежный случай, и вообще — кто бы говорил!

— Я — другое дело, — привычно заупрямилась подруга, после серии сокрушительных разочарований зарекшаяся от новых попыток устроить личную жизнь. И, доверительно придвинувшись, сообщила: — Знаешь, а ребенка мне хочется... Усыновить одинокой женщине непросто, остается родить. Как сейчас принято говорить, «для себя». Надо бы изучить вопрос, наведаться в банк доноров. Ну что ты опять так смотришь, Ритка! Сказала ведь: никаких больше отношений!

Я и правда поначалу встрепелась, но потом, пока официантка подавала нам мороженое, поразмыслила — и пришла к выводу, что это, пожалуй, неплохой выход. Особенно для таких неисправимых однолюбок, как мы с Анькой.

— Разведаете что-нибудь — сообщите! — выпалила я и, наткнувшись на изумленный взгляд подруги, поспе-

шила перевести разговор на более актуальную тему. — А пока мне нужно сосредоточиться на этом бредовом заточении. Или все-таки уволиться.

— Эй, даже не вздумай, борись до последнего! Уйдешь, и что дальше — снова будешь лить слезы в заточении? — с пылом набросилась на меня Анька. — По поводу книги ведь, как я понимаю, новостей по-прежнему нет?

Я лишь рукой махнула. Эту книгу, честный рассказ о событиях, произошедших в клубе, предложил мне написать Алик. Выполнив его просьбу, я отправила рукопись в самое крупное издательство и уже успела забыть об этом. В конце концов, прошло несколько месяцев, и редакторы наверняка успели «завернуть» мое бессмертное творение. Вдохновения сочинять следующий роман не было, да и что я могла бы написать с таким-то кладбищенским настроением? Кстати, о кладбищах...

— Ты так и не знаешь, какого покойника нужно отыскать? — Похоже, Анька мысленно одолела ту же логическую цепочку. И неудивительно, ведь мы всегда понимали друг друга с полуслова. — Шеф даже не намекнул?

— Не-а. В понедельник узнаю, но ты наверняка права, и это — лишь попытка приукрасить рядовое поручение, вызвать у нас дух соперничества. — Я сама удивилась, что мои слова окрасила досада, будто я уже приобрела необходимый для опасных приключений азарт. Что ж, любви больше не будет, а вот в профессии мне еще есть что сказать! — Но если он не пудрит нам мозги... Я возьму интервью у этого покойника, даже если придется спуститься в преисподнюю!

* * *

— Дело серьезное, каждому из вас предстоит провести целое расследование, так что свободно распоряжайтесь временем. С этого дня можете считать себя в творче-

ском отпуске, — великодушно объявил шеф, прохаживаясь по кабинету обычной величавой поступью. И с царской широтой махнул рукой. — Все расходы — на транспорт, мобильную связь, а если понадобится, и на проживание в гостиницах — мы компенсируем.

— А у нас что, коммунизм наступил в отдельно взятой редакции? — грубо прыснул Живчик, подмигнув мне. — Может, объединим усилия, совместим, так сказать, приятное с полезным? Путешествовать будем вместе, а жить — в одном номере. Это же какая экономия для издательства! Да и помогу тебе немного, нужно ведь дать фору неопытной коллеге!

— Спасибо, справлюсь как-нибудь сама, — фыркнула я, демонстративно отворачиваясь, чтобы не видеть заклятого врага, сиявшего снисходительной улыбкой человека, абсолютно уверенного в своих силах. И в плохо скрываемой панике обратилась к издателю: — А разве было предусмотрено, что мы должны работать вместе?

— Это как вам будет удобно. — Шеф развел руками и понимающе усмехнулся. — Хотя вообще-то предполагается, что каждый сам за себя. Два претендента — два материала. Я буду оценивать не только скорость, с которой вы представите интервью, но и его качество. Постарайтесь уложиться в месяц. Максимум в два. Срок, согласитесь, немалый, но и задача не из простых. К счастью, нашелся щедрый спонсор, который поверил в потенциал журнала и согласился взять на себя все наши — точнее, ваши — прихоти. Он считает, что игра стоит свеч, и я с ним солидарен. Задание на столе.

Я раскрыла лежавшую передо мной тоненькую папку, Живчик схватился за свою, точно такую же. Несколько минут мы сосредоточенно изучали краткую биографию героя и пару старых отсканированных статей. Потом дружно, в первом и, видимо, последнем порыве солидарности,

задумчиво похлопали глазами, переглянулись и с недоумением воззрились на шефа.

— Ничего не понимаю, — на правах старшего нарушил тишину Живчик. — Мы должны собрать информацию об этом человеке и на ее основе состряпать материал, подать в виде интервью? Придумать, будто бы он жив? Это что, такой журналистский прием?

— Там ведь все четко написано, — терпеливо пояснил издатель. — Найдите этого человека и возьмите у него интервью. Никаких «состряпать» и «придумать», только чистая правда.

— Но ведь он мертв! Погиб много лет назад, — не выдержала уже я. В ту пору я была совсем еще малышкой, но историю этого персонажа прекрасно знала. Или, как выяснялось теперь, думала, что знала.

— Может, и не мертв... — загадочно протянул издатель и развел руками. — Это вам и предстоит выяснить. Друзья мои, я предложил шикарные условия работы. На кону престижная должность в известном журнале. Как говорится, победитель получает все: деньги, славу, возможность формировать команду и определять политику издания. Согласитесь, мы не могли придумать для вас нечто совсем уж банальное... Ну что, готовы побороться?

— Всегда готов, — шутливо отсалютовал Живчик, первым оправившись от потрясения. Сунув папку под мышку, он обменялся рукопожатием с шефом и, беспечно насвистывая себе под нос, направился к двери. Похоже, напоминание о щедром вознаграждении возымело действие, раз мой конкурент мгновенно обрел былую самоуверенность и решил немедленно приступить к работе.

Я же осталась сидеть на месте, погрузившись в тягостные раздумья и готовая сдать без борьбы. Видимо, я слишком уверилась в том, что мне действительно предстоит написать какую-то весьма необычную по форме, но

вполне себе реальную статью о давно ушедшем в мир иной человеке, более-менее известном. Разумеется, поговорив с его близкими, собрав о нем максимум доступной информации. Но, положила руку на сердце, я и представить себе не могла, что речь пойдет о кумире миллионов. Который, может статься, и не совсем умер... Что говорить, и впрямь бредовая идея!

— Маргарита, — вывел меня из раздумий бархатный голос, и я подняла взор на шефа. Он привычно напоминал льва, роскошного, мягкого и совсем неопасного. Кажется, четкая и краткая задача повергла меня в такие сомнения, что желание выйти из игры, так толком в нее и не вступив, явственно отразилось на моем лице. — Даже не вздумайте отказаться! Спонсор настаивает, да и я сам... Словом, мне жаль, что я не прислушивался к вам раньше, не защищал от нападков недоброжелателей. Возможно, тогда мой бизнес не оказался бы на грани катастрофы. Надеюсь, именно вы добьетесь успеха, и мы сможем выстроить отношения иначе.

Я кивнула и поднялась, постепенно стряхивая с себя наваждение. В самом деле, откуда взялись эти страхи, неуверенность? Я — профессионал. Знающий, как работать, умеющий это делать и, главное, верящий в свои силы. Я тоже готова вступить в борьбу, и у меня все получится!

— Я буду за вас болеть, — многозначительно пообещал шеф, со всей галантностью придержав для меня дверь. И я вышла из его кабинета навстречу сногшибательной авантюре, нисколько не сомневаясь, что в следующий раз переступлю этот порог уже в ранге победительницы.

Глава 2

Я внимательно смотрела на бодро ходившего по сцене молодого подтянутого певца, раз в пятый гоняя один и тот же ролик. Качество «картинки» оставляло желать лучшего: угадать в полуразмытой черно-белой неестественно вытянутой фигуре любимца девчонок всей страны было непросто. Впрочем, нужно проявить снисходительность к съемкам начала семидесятых прошлого века...

Наблюдая за героем своего будущего интервью, я думала о том, что он был весьма талантливым артистом. Да, красавчиком, баловнем судьбы, настоящей звездой тех лет и все-таки прежде всего — артистом. Даже не видя толком его лица на записи старого концерта, я чутко улавливала настроение песни и ее исполнителя. Никакого официоза, в котором сейчас так любят обвинять знаменитостей тех лет, только искренняя, наивная радость парня оттого, что он молод и влюблен, а жизнь понятна и безмятежна. Казалось, ему с трудом давалась принятая в ту пору сдержанная сценическая манера, так и тянуло задорно попрыгать под веселую мелодию...

— Риточка, почему ты не на работе?

Увлечшись, я и не заметила, как вернулась домой мама. Переживая сокрушительные жизненные катастрофы, я уже почти год обитала «под крылышком» у родителей, на время отказавшись от идеи снимать квартиру.

Здесь мне было комфортно и спокойно, а теперь любящая семья и вовсе могла оказать мне бесценную помощь. Уж мама-то точно!

— Это и есть моя работа на ближайшие пару месяцев. — Я кивнула на монитор, хотя это явно было излишним. Уже не слушая меня, забыв о тревоге, окрасившей ее голос при мысли о новом этапе травли со стороны коллег, мама уселась на диван рядом со мной и чуть ли не вплотную придвинулась к экрану.

— Прекрасно его помню, именно таким, — тепло улыбнулась она, когда песня закончилась. — Мы с подругами даже были на его первом сольном концерте. Билеты достали чуть ли не с боем, спустили все деньги, отложенные на поездку к морю. Но оно того стоило! Пел он шикарно, никакой «фанеры», только чистый голос. Тогда знали, что такое исполнительская культура! А во втором отделении разошелся, даже рок-н-рольчик сбавал... Слова-то незатейливые, а мелодии... Тогда об авторских правах не думали, и мы лишь потом узнавали, что слушали «битлов», например. А внешность какая, харизма! Записи и на десятую долю этого не передают. Тогда это был наш, как принято теперь говорить, секс-символ. Девчонки с ума сходили... Да что там говорить, твоя ненормальная мать собственной персоной как-то под покровом ночи стащила его афишу!

Мама с мгновение подумала, вспоминая, и подошла к шкафу. Нырнув в глубь полки с постельным бельем, она, пыхтя от усилия, выдернула из-под простыней и наволочек какой-то древний журнал и потрепанный, с рваными краями лист, сложенный в несколько раз.

— Вот, смотри. Заприметила афишу в двух кварталах от дома, еле упростила твоего деда меня сопровождать. Он тем еще хулиганом был! Пока я стояла «на стреме», ножичком быстро вырезал плакат...